

**История создания картины «Иван Грозный и сын его Иван.
16 ноября 1581 года»**

Царь Иоанн Васильевич Грозный – одна из самых знаковых фигур в русской истории. Родился 28 августа 1530 года в селе Коломенском под Москвой, имя получил в честь Иоанна Предтечи, которого считал своим небесным покровителем, и тезоименитство отмечал 29 августа – в день усекновения главы Иоанна Крестителя.

В декабре 1533 года воспринял от отца титул Великого князя Московского. В январе 1547 года венчался на царство в Успенском соборе Кремля, став первым Царем в русской истории. Преставился Иоанн Васильевич 18 марта 1584 года в Московском Кремле, приняв перед уходом постриг с именем Иона, и был погребен в соборе святого Архистратига Михаила в Кремле в монашеском одеянии. Жития его было 54 года.

Вся жизнь Иоанна Васильевича была тесно связана с православной церковью. Напомним, крещен был будущий Царь в Троицком соборе игуменом Иоасафом, впоследствии митрополитом.. Это крещение, во время которого младенца опускали в раку преподобного Сергия Радонежского, связало его особыми узами с Троице Сергиевым монастырем..

Впрочем, благоволил Первый русский Царь ко всем русским монастырям.

Другой святой – митрополит Макарий окормлял его в юные года.

С ранних лет Великий Князь Иоанн Васильевич совершал паломничества по святым местам, бывая в самых древних и досточтимых православных обителях. В четырнадцать лет отправился в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда через Ростов и Ярославль в Кирилло-Белозерский монастырь и окружающие его обители.

Ныне почти никто не пишет о том, что в храмах и монастырях он молился часами и вставал на молитву в два или три часа ночи. И так практически каждый день до самой своей кончины!

Великий молитвенник, он постоянно читал Писание, знал наизусть множество молитв, без труда цитировал многие отрывки и поучения, и даже пел на клиросе.

Потеряв отца в три года, а мать в неполные восемь лет, он оказался сиротой. Окруженный дальними родственниками и боярами, мальчик видел вокруг алчность, корысть, злобу, интриги, жестокость, потрясающие воображение и рождающие страх и ужас в душе его.. Детство Великого Князя прошло в атмосфере хаоса и фактического распада центральной власти, а следовательно – и государства. С малых лет он возненавидел боярско-олигархическое своеволие, и когда пришел в полномочие, принялся беспощадно карать за все явные проступки и измену Богу, особенно «первых слуг Государя» - самых родовитых и именитых. Царь, если говорить образно, принялся отсекал греховное от плоти России. Именно здесь и коренилась одна из причин той нелюбви и ненависти, которую вызывал Иоанн Васильевич у потомков осужденных и наказанных им.

Это напоминает историю царствования другого русского Государя – Павла Первого, оклеветанного современниками. Её писали его ненавистники - те, кого он, после кончины матери, удалил из Дворца за казнокрадство, аферы, интриги, предательство государственных интересов. Почти вся высшая аристократия потом многие десятилетия лгала по адресу убиенного, изображая его «злодеем», «тираном» и даже «душевнобольным». Да и в советское время, - вспомните, - нам всячески внушали, что сумасбродней правителя на Руси, чем Павел Первый не было. Версия о «безумии» Павла в XIX веке внедрялась в общественное сознание с целью оправдания убийц, пресекших «вредное» для государства правление. В советское время версия о «безумстве» Павла как нельзя лучше подошла для подтверждения выдвинутой теории о деградации российских царей.. В этом властям успешно

помогали такие писатели, как Юрий Тынянов (достаточно назвать его рассказ «Подпоручик Киже»), киносценарист и кинорежиссер, создавшие фильм «Суворов», А сколько появлялось сборников анекдотов, связанных с именем Павла Первого? При этом и речи не могло быть о том, что именно Император Павел Первый – воспитанник митрополита Платона (Левшина), - узаконил порядок престолонаследия в России, открыл новые духовные заведения в разных концах государстве, способствовал восстановлению старых и устройению новых православных монастырей, После десятилетий «бабского царствования» именно он, проведя государственные реформы, наметил контуры грядущей России, вследствие чего, в конце XIX–го века, Россия поразила мир великими именами писателей, художников, ученых...

Откуда и почему же такая не остывающая ненависть к Императору Павлу Первому? Ответ прост, но он редок на страницах научных изданий: «высшие» ненавидели его за то, что он хотел обуздать своеволие чиновников и аристократии, этих новых бояр, уверенных, что Россия – для них, а не они – для России.

Именно в этой среде вызрел замысел убийства Императора Павла Первого, совершенного в марте 1801 года на английские деньги и в английских интересах.

Как сродни в данном случае имена Государей Иоанна Грозного и Павле Первого!

Не потому ли такой шум был поднят и в наше время либеральными СМИ, когда устанавливали памятник Царю Ивану Грозному в городе Орле, и какой вой был поднят теми же СМИ, когда решено было установить памятник Первому русскому Царю в городе Александрове. Надо ли пояснять, чем были вызваны они, разбуженные одним лишь напоминанием о государе Иоанне Грозном?

Впрочем, есть одно важное событие, совершенное Первым русским Царем, которое на многое открывает глаза и которое и по сей день не дает спокойствия врагам его.

Царь Иоанн Васильевич Грозный точно обозначил время «боярского самодержавия». «Со дня кончины нашей матери и до того времени шесть с половиной лет не переставали они (бояре. – Л. А.) творить зло»¹. Если иметь в виду, что Елена Глинская скончалась 3 апреля 1538 года, то указанные «шесть с половиной лет» означают конец 1544 – начало 1545 года.

Среди важных политических событий 1545 года следует назвать прежде всего одно. Последовала первая опала бояр. Эпоха боярского своеволия начала клониться к закату. Именно в конце этого года Великий Князь намеревался стать Царем. Вот это самое решение – судьбоносное и в биографии Иоанна, и в судьбе России – ключевое в понимании мировоззрения Первого русского Царя.

Воцарение меняло весь строй жизни Руси и мира; отныне московский правитель становился главой всего православного рода человеческого. Власть он получил по праву первородства, а Царский Скипетр – по милости Божией. Так мыслил Первый русский Царь и в том никогда не сомневался. Он знал, Москве предуготовано место Царьграда, теперь она сама Царьград, следовательно, и все прерогативы «Грецкого Царства», перешли к православному Московскому Царю. Россия обрела первого монарха.

Русская идея возобладала в мире. Спасение себя и спасение других народов – в вере Христовой.

Эта концепция, высказанная еще митрополитом Илларионом в знаменитом «Слове о законе и благодати», может быть, наибольшее открытие русского народа и является великим вкладом его в мировую цивилизацию.

Главное в жизни – благочестие. И жить надо для Бога и в Боге.

Нестроения и отступления от веры Христовой надо было, по мысли первого русского монарха, удалять и исправлять соборным «разумением».

---

¹ Первое послание Ивана Грозного Курбскому// Русская социально-политическая мысль XI – начала XX века. Иван Грозный. М., 2002. С. 94-96.

Для этого, по инициативе Царя, и собран был, в Москве, в 1551 году, церковный Стоглавый собор.

Надо было обновить и укрепить Русскую Церковь, чтобы начинать новую жизнь и помышлять о будущем, руководствуясь любовью и смирением.

«Возненавидим же дела злые, возлюбим добрые и благоугодные дела», - говорил Царь Иоанн, обращаясь к делегатам собора.

Тогда же был представлен Судебник, которые «святые отцы» рассмотрели и утвердили.

В истории Стоглавого Собора, по справедливому замечанию историка А. Боханова, потрясает степень воцерковленности и мировоззрения Первого Царя, его не только преданность делу Церкви, которое являлось и царским делом, но и глубокие и разносторонние знания церковной повседневности, канона и догматов, явленных им в его вопросах.

«Стоглав» охватывал буквально все стороны церковной жизни и явился фактически новым соборным уложением.

В ту же пору духовником и сподвижником Царя протопопом Сильверстом был написан «Домострой» - сборник правил, советов и наставлений по всем направлениям жизни человека и семьи, включая общественные, семейные, хозяйственные и религиозные вопросы.

Многие столетия по Домострою сверяли русские люди свою жизнь...

Забегаю вперед, скажем, за время царствования Иоанна Грозного территория государства увеличилась в два раза, Россия утвердилась в Поволжье, в Сибири и на Северном Кавказе. Численность населения выросла почти наполовину.

Царем произведены важные реформы судопроизводства, земская реформа, созданы первые регулярные воинские подразделения (стрельцы), построено более 50 церквей. При нем появились первые типографии, первые печатные книги. Канонизированы десятки угодников Божиих,...

Мощное Православное государство набирало невиданную силу и не могло не испугать Европу и почитателей европейской жизни, пребывающих в России. Потому и начали сыпаться клевета и наветы на Первого Русского Царя во время его жизни и после его отравления.

Не будем разбирать истоки нападок на Иоанна Грозного историка Карамзина, который, увы, предвзято использовал документы истории. «Первый историограф» завораживал читателя обилием сносок и ссылок на «первоисточники» и литературным мастерством «подачи факта». Однако выхватывал, выдергивал из документов Николай Михайлович только то, что соответствовало его субъективному и недоброжелательному, а по сути дела, русофобскому взгляду². Да и сам отбор, так сказать, вивисекция, документального ряда у Карамзина, по точному замечанию А. Боханова, изначально предвзят. Потому главным свидетелями у него становятся: предатель князь А. М. Курбский, оправдывая собственную подлую измену, лгал на царя без удержу; лифляндские дворяне-перебежчики Иоганн Таубе и Элерт Крузе, английский авантюрист и разведчик Дж. Горсей и т. д.

Не упустим без внимания следующий факт, сам Н. М. Карамзин, во время написания *Истории Государства Российского*, увлеченный масонством и связанный с ним, был явно ослаблен в Православной Вере.

Хула на Царя Иоанна Грозного продолжалась и в последующие времена. И не только в среде историков.

Обратимся к художнику И. Е. Репину и его картине «Иван Грозный и сын его Иван. 16 ноября 1581 года».

Несколько слов о художнике.

И. Е. Репину было двадцать восемь, когда он закончил «Бурлаков» (1870-1873) и стал в одночасье знаменитым. «Бурлаки» блистали светом, яркостью красок, затмевая все вокруг себя, и производили, по замечанию современника, прямо ошарашивающее впечатление. Художники-современники

---

² См. подробнее Александр Боханов. Царь Иоанн Грозный. Москва. ФИВ, 2015.

видели в ней не столько обличение, сколько выисканную не в мастерской, а в натуре палитру. От «Бурлаков» веяло богатством творческих сил.

Было ясно: в русской живописи появился крупный талант.

В перерыве работы над «Бурлаками» И. Е. Репин писал конкурсную работу «Воскрешение дочери Иаира» (1871), очень близкую по духу и настроению картине А. А. Иванова «Явление Христа народу».

Обе картины, надо сказать, вызвали противоречивые впечатления.

Глашатаем «Бурлаков» выступил В. В. Стасов, дождавшийся, наконец, живописца, который «оставил и последние помыслы о чем-нибудь идеальном в искусстве» и «окунулся с головою во всю глубину народной жизни, народных интересов, народной щемящей действительности»³.

Ректор же Академии художеств Ф. Бруни, почти по тем же причинам, назвал её «величайшей профанацией искусства»⁴, словно подтверждая слова самого И. Е. Репина: «картиной моей <...> была заинтересована либеральная часть общества, а консервативная её <...> хаяла».

Не менее важно то, что обе картины, на взгляд особо внимательных зрителей, свидетельствовали о некоем раздвоении характера их автора, его внутреннем споре и духовных поисках.

И, в действительности, они не обманывались.

Воспитанный в соответствии с традициями русской православной семьи (его мать была глубоко верующей и прививала сыну любовь к церкви), он хорошо разбирался в тонкостях религиозного сюжета, религиозной идеи, что подтверждала его дипломная работа, но абсолютно противоположное настроение преобладало в другой картине, где откровенно проглядывал дух бунтарства, протеста против существующего порядка, (Впрочем, он шел против истины. «Какая нелегкая вас дернула писать эту нелепую картину? Вы, должно быть, поляк? - возмутился министр путей сообщения. – Ну, как не стыдно – русский?.. Да ведь этот допотопный способ транспорта мною

---

³ Стасов. В. В. Избранные сочинения. Живопись, скульптура, музыка. 1952. Т. I. С. 239

⁴ Цит. По: Лебедев А. А., Соводовников А. В. В. В. Стасов. М., 1982. С. 128.

уже сведен к нулю»⁵. Искривлением сути бурлачества возмущался художник В. Верещагин: «... в моих «Бурлаках» каждую баржу тащило не менее 200-250 человек – целые полки народа, что составляет *всю суть дела*»⁶).

Возможно, дух бунтарства и неприятия православной монархии передались художнику через отца-кантониста⁷ умевшего креститься, но, похоже, не связанного тесно с церковью (торговые дела отнимали все его время).

Отношения с религией у художника, надо сказать, были не простые. Тому свидетельство строки из письма И. Е. Репина к В. В. Стасову от 11 марта 1892 года: «...Да вообще всё христианство – это рабство, это смиренное самоубийство всего, что есть лучшего и самого дорогого и самого высокого в человеке, - Это кастрация...»

О вере в Христа судить можно по его письму к художнику В. В. Максимову от 13 апреля 1881 года, написанному сразу после празднования Пасхи Христовой: «Не могу ответить тебе ходячей фразой «Воистину Воскресе», нет, и до сих пор еще не воскресли к жизни его святые идеи любви, братства и равенства, любезный брат мой по искусству (но не брат во Христе. – Л.А.) Василий Максимович...»

А чего стоят его высказывания в адрес Ф. М. Достоевского: «... Отдавая полную справедливость его таланту, изобретательности, глубине мысли, я ненавижу его убеждения! Что за архиерейская премудрость! Какое-то застращивание и суживание и без того нашей не широкой и полной предрассудков скучной жизни.

И что это за симпатия к монастырям («Братья Карамазовы»). «От них-де выдет спасение русской земли!!? И за что это грязное обвинение интеллигенции? И эта грубая ненависть к полякам, доморощенное мнение об отживших якобы тлетворностях Запада и это поповское прославление православия... и многое в этом роде противно мне, как сам Катков... А как

⁵ См.: И. Е. Репин. «Далекое близкое». С. 271.

⁶ Цит. по: Лебедев А. К. В. В. Верещагин. Жизнь и творчество. М., 1958. С. 39.

⁷ Кантонисты — малолетние и несовершеннолетние сыновья нижних воинских чинов, причисленные к военному ведомству. Часть из них составляли инородцы. – Прим. автора.

упивается этим Москва! Да и петербуржцы наши сильно поют в этот унисон – авторитет пишет: как сметь другое думать!.. Ах, к моему огорчению, я так разошелся с некоторыми своими друзьями в убеждениях, что почти остался один. И более чем когда-нибудь верю только в интеллигенцию, только в свежие влияния Запада (да не Востока же в самом деле). В эту жизнь, трепещущую добром, правдой и красотой. А главное, свободой и борьбой против неправды, насилия, эксплуатации и всех предрассудков...»⁸

«Стасов делал все возможное, чтобы поднять Репина, - вспоминал скульптор И. Гинзбург, - повесить его кругозор, свести и познакомить его с прогрессивными деятелями культуры.

От такой опеки духовное развитие Репина подвигалось буквально на глазах. Он получил возможность писать портреты выдающихся людей, беседовать с ними, учился у своих новых знакомых, набирался знаний, слушая лекции, посещая и концерты....»

Три года провел Репин за границей – в Италии и во Франции.

Работая по заказу П. М. Третьякова над портретом И. С. Тургенева, Илья Ефимович встречался на квартире писателя с Германом Лопатиным. В 1866 году тот был привлечен по делу Д. Каракозова.

Общение с революционером конечно же привело к новым знакомствам с русскими политическими эмигрантами. Вскоре И. Е. Репин устанавливает дружеские связи со многими из них. Он переписывался с В. Фигнер, а в конце восьмидесятых – начале девяностых годов напишет портрет революционерки Х. Гельфман. И откажет П. М. Третьякову в просьбе написать портрет «ретрограда» (по мысли художника) Каткова, и что особенно удивительно, «ретрограда» Фета.

Оказавшись в 1883 году вместе с В. В. Стасовым в Париже, он не пропустит ни одного собрания у социалистов. А 5(17) июля 1889 г. вместе со Стасовым, Г. В. Плехановым и П. П. Лавровым он присутствовал на первом учредительном конгрессе II Интернационала.

---

⁸ Письмо В. В. Стасову от 16 февраля 1881 года. – Прим. автора.

Но мы забежали вперед.

Картина «Иван Грозный и сын его Иван. 16 ноября 1581 года» впервые была представлена зрителю на передвижной выставке 1885 года. Сенсация была невероятной, такого, пожалуй, на выставке еще не видели. Одна из дам упала в обморок прямо перед картиной.

Отношение к картине оказалось далеко неоднозначным. Обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, 10 февраля 1885 года, сообщал в докладе Государю Александру Третьему: «Стали присылать мне с разных сторон письма с указанием на то, что на передвижной выставке выставлена картина, оскорбляющая у многих нравственное чувство: Иоанн Грозный с убитым сыном.

Сегодня я видел эту картину и не мог смотреть на неё без отвращения. Слышно, что Ваше величество намерены посетить выставку на днях, и конечно сами увидите эту картину.(пометка Александра Третьего на полях: «завтра»).

Удивительное ныне художество без малейших идеалов, только с чувством голого реализма и с тенденцией критики и обличения. Прежние картины того же художника Репина отличались этой склонностью и были противны. А эта картина просто отвратительна. Трудно и понять, какой мыслью задается художник, рассказывая во всей реальности именно такие моменты. И к чему тут Иоанн Грозный? Кроме тенденции известного рода не приберешь другого мотива. Нельзя назвать картину исторической, так как этот момент и всей своей обстановкой чисто фантастический, а не исторический.

Есть и портрет самого художника на выставке, черты лица его объясняют, что вынуждает его выбирать и рассказывать такие сюжеты...»

16 февраля И. Н. Крамской представлялся Государю Императору Александру III по поводу образов картин для копенгагенской церкви и оказался свидетелем следующей сцены. После чрезвычайно милостивого

разговора Государь и Императрица, простившись, удалились. Когда они были уже в дверях, гофмаршал В. В. Зиновьев стал догонять их, говоря: «Ваше Величество! Вы едете сейчас на выставку, увидите там картину Репина «Иван Грозный»... Вы увидите эту ужасную, отвратительную картину... Ваше Величество, это невозможная картина, её нельзя позволять выставлять... Это отвратительно! Это ужас, что такое... и Третьяков её уже купил». Государь стоял, повернувшись в дверях, и молча смотрел вниз. При последних словах, взглянул на Крамского и спросил: «Что эта картина поедет в путешествия? И как это у Вас делается?» Выслушав ответ, Государь, как бы неохотно, медленно произнес: «Я не желал бы, чтобы эта картина была отправлена в провинцию». Поклонился еще раз и ушел⁹.

Картину пришлось убрать с выставки и отправить её владельцу, П. М. Третьякову, но в его галерее она была выставлена лишь много времени спустя.

«Иногда в зале дома, а иногда в галерее стояла только что приобретенная Павлом Михайловичем новая картина, покрытая белой простыней, - вспоминала племянница В. Н. Третьяковой М. Н. Морозова. – Однажды, когда мы находились в галерее, Павел Михайлович подозвал нас и открыл простыню, покрывавшую картину, и показал нам её. Мы онемели от ужаса: Это был Иван Грозный, убивший сына, работы Репина. Впечатление было страшное, но отталкивающее. Потом эту картину повесили в маленькой комнатке, примыкавшей к большому залу, и перед ней положили персидский ковер, который был как бы продолжением ковра, изображенного на картине, и, казалось, сливался с ним. Казалось, что убитый сын Грозного лежал на полу комнаты, и мы с ужасом стремглав пробежали мимо, стараясь не смотреть на картину».

---

⁹ См. письмо И. Н. Крамского к А. С. Суворину от 7 марта 1885 г. – Прим. автора.

Искусствоведы рассказывают, картина И. Е. Репина была создана под впечатлением программной симфонии Н. А. Римского-Корсакова «Антар», вернее второй её части под названием «Сладость и месть».

В недатированном черновом отрывке И. Е. Репина, хранившемся в Научно-библиографическом архиве Академии художеств и опубликованном только в 1956 году, есть следующие строки: «...Впервые пришла мне в голову мысль писать картину – трагический эпизод из жизни Ивана Четвертого – уже в 1882 г. в Москве. Я возвращался с Московской выставки, где был на концерте Римского-Корсакова. Его музыкальная трилогия – любовь, власть и месть – так захватила меня и мне неудержимо захотелось и в живописи изобразить что-нибудь подобное по силе его музыки».

Из приведенного текста выделим слово *месть*. Кому и за что хотел отомстить Репин?

Не упустим при этом немаловажную деталь: в одном из интервью, данном впоследствии, и разысканном писателем С. В. Фоминым¹⁰, художник делает оговорку: вопреки документально известной дате концерта в Москве (15 августа 1882 г), художник называет другую дату – 1881 г.

Во второй половине февраля 1881 года И. Е. Репин выехал из Москвы в Петербург на открытие Передвижной выставки. Она открывалась 1 марта, и именно в этот день на одной из петербургских улиц прогремел взрыв. Неизвестный бросил бомбу в проезжавшую мимо карету, в которой следовал Александр II. Мгновенно по северной столице разнеслась весть об убийстве Государя.

Ученик В. А. Жуковского окончил свой земной век.

«Взрывом прошлого воскресенья был нанесен смертельный удар прежним принципам, и никто не мог отрицать, что будущее не только Российской империи, но и всего мира зависело теперь от исхода неминуемой борьбы между новым русским царем и стихиями отрицания и разрушения», - писал современник.

---

¹⁰См.: С. В. Фомин. Правда о первом русском царе. М. 2010.

И. Е. Репин возвратился в древнюю столицу, но уже в апреле он снова в Петербурге, успев к казне первомартовцев.

«Ах, какие это были кошмарные времена, сплошной ужас..., - скажет он впоследствии одному из знакомых поэтов. – Я даже помню на груди каждого дощечки с надписью «Цареубийцы». Помню даже серые брюки Желябова, черный капор Перовской...»

К политической подоплеке картины «Иван Грозный и сын его Иван. 16 ноября 1581 года» следует, пожалуй, добавить один существенный штрих

Ко времени учебы художника в Академии художеств относятся два его эскиза «Видение Иоанна Грозного» и «Митрополит Филипп, изгоняемый Иоанном Грозным из церкви 8 ноября 1568 года».

Последний из эскизов был одобрен Советом Академии художеств. Работа над ним датируется 20 мая 1866 года. Напомним, чуть ранее, 4-го апреля, Д. Каракозовым было совершено покушение на Императора Александра II. Преступника казнили 3 сентября. Репин присутствовал на публичной казни. Он даже сделал рисунок с натуры.

Имя Царя Ивана Грозного, возможно, ассоциативно могло связаться с пережитым в этот день.

Таким образом, само противостояние Царь/Самодержец и революционная борьба против него – засели в голове художника давно и, похоже, крепко.

Отношение к Царю Иоанну Грозному определилось у художника окончательно. Иначе, как мерзавцем, он не называл его. «...Да, наконец, и этот мерзавец Иван IV сидит неподвижно, придавленный призраками своих кровавых жертв...», – писал 8 ноября 1881 года И. Е. Репин. В. Стасову, обсуждая скульптуру Первого Царя, выполненную Антокольским.

О предмете раздумий в то время И. Е. Репина свидетельствует, между прочим, изображение Императора Александра II на смертном одре, помещенное художником на стене комнаты в его картине «Не ждали». По

времени работа над этим последним полотном совпала с картиной «Иван Грозный и сын его Иван...».

После октябрьского переворота 1917 года, Илья Ефимович, беседуя с советскими художниками, приехавшими к нему в усадьбу «Пенаты» в местечке Куоккала, уже ничего не опасаясь, заявил: «Картина направлена была против монархизма».

Об этом главном смысле картины у нас говорить не принято.

Помазанник Божий был «разоблачен» Репиным и показан, как тиран и сыноубийца.

Такова его месть.

Свою картину Репин называл в частной переписке «Сыноубийца». Третьякову, купившему её, И. Е. Репин, в августе 1887 г., советовал её переименовать: «Я думал предложить Вам подписать под картиной «Иван Грозный», так: *Трагическая кончина Царевича Ивана, сына Ивана Грозного. 1581 г. 16 ноября*».

В сознании людей, однако, запечатлелось другое название: «Иван Грозный убивает своего сына».

Прервав ненадолго повествование, скажем, как-то, выйдя из Исторического музея, Репин с Суриковым, направились на Красную площадь. У Спасских ворот, как обычно, шла торговля книгами, открытками, фоторепродукциями.

- Илья Репин! – кричал офеня. – Грозный убивает сына Ивана!

Именно через эту картину миф, созданный в свое время Н. М. Карамзиным, был вброшен в народное сознание, превратившись в *неподлежащий сомнению факт русской истории*

Удивительно, созданный великим мастером кисти *художественный* образ оказал влияние даже на профессиональных историков.

Так академик М. Н. Тихомиров писал в одной из работ: «Все знают известную картину Репина: обезумевший отец держит в объятиях

обогрени кровью сына. Это Грозный Царь, убивший в порыве гнева Своего наследника. Но действительность может быть еще страшнее».

А вот академик С. О. Шмидт: «...<царевич> Иван... был убит Грозным в 1581 г., об этом напоминает знаменитая картина Репина».

Но откуда же все-таки желание мести у Репина? Где её истоки?

Здесь можно говорить и о влиянии европейских художников, склонных в ту пору к созданиям «картин крови», заполонившим художественные салоны Европы. Такие картины имели большой успех у зрителя. И пребывая за границей, Репин не мог этого не отметить.

Но была одна картина, которая вскрывает по сути многое, если не главное в творчестве художника. Речь идет о картине «Крестный ход в Курской губернии».

В ней, по справедливому замечанию репиноведов, «ничего не осталось от патриархальной непосредственности и добродушия «Крестного хода в дубовом лесу» - предыдущей картины, написанной в благодарную память о детской поре, когда мальчиком, вместе с матерью, принимал он участие в сельском крестном ходе.

Чтобы понять причину случившегося, почему исчезла добрая память о прошлом, стоит упомянуть, на наш взгляд, в первую очередь, два имени: отца художника, предки которого, судя по словам самого Ильи Ефимовича, презирали Россию¹¹ и известного критика Стасова, оказавшего немаловажное влияние на сознание талантливого, если не сказать, гениального художника.

Стасов, известный своим радикализмом, был доволен картиной «Крестный ход в Курской губернии» и писал о ней как о новом великом явлении в русском искусстве. Изображение крестного хода, надо сказать, вызвало у него ассоциацию с... буддистской процессией в Индии.

---

¹¹ См.: письмо И. Е. Репина к В. В. Стасову из Рима от 4 июня 1873 г. («И. Репин. Избранные письма в двух томах. 1867-1930». М., 1969. С. 67): «... Я чувствую, во мне происходит реакция против симпатий моих предков: как они презирали Россию и любили Италию, так мне противна теперь Италия с её условной до рвоты красотой...»

Многие, однако, понимали неправду, лживость, карикатурность, нерусскость всего изображенного на полотне.

«Как можно утверждать, что на картине есть непристрастное изображение русской жизни, - писал в «Новом времени» православный писатель Дмитрий Иванович Стахеев, - когда они в главных своих фигурах есть только лишь одно изобличение, притом несправедливое, сильно преувеличенное... Нет, эта картина не беспристрастное изображение русской жизни, а только изобличение взглядов художника на эту жизнь»

Недоволен был и П. М. Третьяков: «В прежнем «Крестном ходе» была одна единственная фигура – благообразная девушка, и ту Вы уничтожили; мне кажется, было бы очень хорошо на месте бабы с футляром поместить прекрасную молодую девушку, которая бы несла этот футляр с верою и даже восторгом (не забудьте, что это прежний ход, а и теперь они еще есть глубоко верующие); вообще избежите всего карикатурного и проникните все фигуры верою, тогда это будет действительно глубоко русская картина».

Но русской картины не получилось

О взгляде самого автора на неё можно судить по дневниковой записи К. И. Чуковского (июнь 1913 г.): «И. Е. встал и образными ругательными словами стал отделявать эту сволочь, идущую за иконой. Все кретины, вырождающиеся уроды, хамье – вот по Ламброзо – страшно глядеть – насмешка над человечеством...»¹²

Так негативно высказываясь о народе, мог ли Репин разделять глубоко его Веру в Бога, в Царя? Да еще при таких советчиках, как Стасов, который знакомил с нелегальной литературой, самими революционерами и одобрял написание полотен, подобных таким, как «Отказ от исповеди» (1879-1885), «Арест пропагандиста» (1880-1889), «Не ждали» (1884), «Сходка».

Не трудно представить, о каком будущем России мечтали оба. И чтобы закончить тему, скажем, ни одна русская летопись не упоминает о

---

¹² См.: *Сергей Фомин* Правда о первом русском царе. М., 2010. С. 66

факте убийства царевича Иоанна отцом. Царевич, как и сам Царь Иоанн Васильевич Грозный были отравлены.

Проведенное в советское время вскрытие их гробниц, о чем писал антрополог М. Герасимов, показало, наличие ртути в останках Царя и сына превышало норму в десятки раз.

Известно, 16 января 1913 года, на картину было совершено покушение. Иконописец-старообрядец Балашов ударами ножа порезал холст в трех местах. Вязавшие его зрители слышали его бормотание: «Кровь! К чему кровь! Долой кровь!»

Совпадение этого события с начинающимися в России торжествами по случаю 300-летия Дома Романовых многим казалось совпадением не случайным, как, впрочем, и нам.

Силой гения Репина историческая ложь стала приниматься за истину.

И, думается, стоит ли утверждать в этой лжи сегодняшнего зрителя постоянной экспозицией картины¹³?

Но это мое личное мнение.

---

¹³ Картина находится в одном из залов Третьяковской галереи. – Прим. автора